

#

Приди, добро!

Владимир Нестеренко

#рассказы

12+

Владимир Нестеренко

Приди, добро!

«Издательство «Союз писателей»

2017

УДК 82-93
ББК 84 (2 Рос=Рус)

Нестеренко В. Г.

Приди, добро! / В. Г. Нестеренко — «Издательство «Союз писателей», 2017

ISBN 978-5-00073-693-7

Когда, как не в детстве, бродить по "счастливым" улицам? Бегать по "счастливым" дворам? По закоулкам детства зовет прогуляться юных читателей Владимир Нестеренко на страницах книги "Приди, добро!". Вместе с неунывающими героями мальчишки и девчонки испытывают радости первой привязанности, слепят настоящие скульптуры из снега, сдадут на отлично все без исключения контрольные, напишут парочку сочинений о веселых каникулах, съездят в деревню к деду, спасут гнездо жаворонка и совершат еще какой-нибудь замечательный подвиг во имя Добра. Они научатся поступать правильно, узнают, что бывает с теми, кто имеет вредные привычки, попробуют вкусные пирожки, слепленные нежными руками сердобольной бабушки, и полюбуются на пестрые цветочки, аромат которых разносится по всему саду. И это далеко не все. Каждый день и даже вечер обещают множество приключений и приятностей, переживать которые так здорово в компании верных друзей.

УДК 82-93
ББК 84 (2 Рос=Рус)

ISBN 978-5-00073-693-7

© Нестеренко В. Г., 2017
© «Издательство «Союз писателей», 2017

Содержание

Улица счастья	5
Волшебная доска памяти	9
Солнечный портрет	13
Папа вернулся	17
Белый всадник	20
Мой враг	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Владимир Нестеренко

Приди, добро!

Улица счастья

Я шагал по счастливой улице. Не подумайте, что у нас есть улица с таким названием. Просто я был счастлив, и улица мне казалась именно такой. Вот идет впереди меня бабушка с внуком – тоже счастливые. А вот парень с девушкой, что и говорить: они улыбались друг другу. И снежинки счастливо опускались на тротуары и дорогу, окутывая белыми кудрями обнажённые деревья. Я шёл, а хотелось бежать вприпрыжку, но сдерживал свои порывы, всё же я не какой-то там первоклассник, а дылда в полтора метра. На мне под курткой приличный костюм, белая сорочка и бабочка небесного нежного цвета, какой у нее в глазах.

Ну, вот вы и догадались, надеюсь, почему сегодня я шагаю по счастливой улице. Да-да, она сегодня улыбнулась мне и с таким удивлением расширила большие голубые глаза, похожие на незабудки, что я захлебнулся этим цветом, но, конечно, не подал вида. Она же продолжала:

– Я не знала, что ты такой талантливый и занял первое место в конкурсе карандашных рисунков среди школьников нашего района. Жаль, не побывала на выставке. Подари мне хотя бы один рисунок на память.

– С удовольствием! Только с районной выставки они уехали на городскую, вернутся – все твои.

– За щедрость спасибо, но учти, выберу один, самый лучший.

Я засмутился и, очевидно, покраснел, так как в её небесных глазах плескалось удивление.

– Дай слово, – сказала она.

– Не сойти с этого места! – поклялся я.

– Ты можешь проводить меня домой, мне надоел твой дружок Влад Сёмушкин со своими плоскими шутками и выпученными глазами.

Она подала мне, нет, не традиционный портфель, их теперь никто не носит, у всех ранцы. У Даны тоже. Она подала мне руку, и ладонь обожгла мою, к счастью, ожог оказался излечим теплом её же ладони.

Мы шли по счастливой улице и трещали, как сороки, впрочем, трещала больше Даны, рассказывая мне, что Влад приился ей, как ржаная корочка хлеба. К тому же от него постоянно пахнет чесноком, хотя вся школа с рвением использует это противогриппозное средство. От этого зануды ни о чём, кроме как о хоккее, не услышишь, если бы не его симпатичные глаза, она бы с ним ни за что не согласилась ходить на каток и не позволила провожать до самого подъезда, хотя этот дуралей живет в соседнем. Даны множество раз останавливалась на глазах Сёмушкина, и мне показалось, что она их так вытоптала словами, что от них уже ничего не осталось, и они больше не способны соперничать с моими. Но в то же время я знал, что коль человека что-то интересует и притягивает к себе, то об этом хочется без конца либо думать, либо кому-то изливать душу. Что и происходило с Даной. Это вызывало в моем сердце тревогу. Тут моя счастливая улица дала крен, и я едва не свалился в кювет разочарования.

Спасла всё та же обжигающая ладонь Даны, которую она то убирала из моей закостеневшей пятерни, то вновь возвращала. Наконец Даны оставила в покое глаза моего соперника и переключилась на изучение моего творчества рисовальщика. Дело в том, что Даны в нашем классе учится всего лишь второй месяц и не полностью изучила каждого из нас. Я рассказал ей, что хожу в художественную школу, но всё же найду время кататься с Даной на катке вместо Сёмушкина, она согласилась, только попросила не есть чеснок, потому что не переваривает

запах, но любит чеснок только с цыпленком табака, приготовленным мамой к какому-нибудь празднику. И пустилась расхваливать мамину кулинарию и своё участие во всех праздничных готовках. Вот бы художнику написать картину о праздничной суete на кухне, с румяной выпечкой в руках.

Словом, расставшись у подъезда, я снова оказался в счастливом дворе и погнал на парусах домой по счастливой улице. И тут я стал считать дни, когда же вернутся с выставки мои рисунки, и Дана выберет самый лучший – свой портрет во множестве ракурса: анфас, за столом, слушающая учителя, склонившая слегка голову с косичками и пишущая, читающая, смеющаяся, задумчивая… То есть целая галерея современной школьницы, за что я и оказался победителем. Ждать выходило много-много дней. Это мне показалось невыносимым, но и интригующим ожиданием добра. Во всяком случае, я надеялся, что её ладонь очень часто будет находиться в моей руке все эти дни ожидания. Выдержит ли она его?

Но не выдержал первый я. Случилось это на следующий день, когда снова шёл счастливый снег, обильный и влажный. Он залепил окна домов, балконы, замёл дворы и улицы. Всюду началась невообразимая лепка снеговиков. Это было какое-то чудо. В каждом дворе стояло по несколько фантастических фигур. Иные в скафандрах с других планет, иные обыкновенные земляне, другие толстенькие Деды Морозы и миниатюрные Снегурочки с озорной усмешкой и морковкой. А я слепил своего снеговика. Мне так хотелось, чтобы Дана ненароком заглянула в наш двор и увидела его. Но, увы, она жила в соседнем. Ходить сюда ей попросту не по пути, даже в магазин.

Вы, наверное, догадались, что за снеговик стоял перед моим окном? Конечно же, выли-
тая Дана. Грустный, но с улыбающимся счастливым сердцем я побрёл домой, убеждённый, что
завтра грязнет оттепель, и мой снеговик скокожится от солнечных лучей, а облик Даны превра-
тится в нечто комическое. Но я ошибся, с наступлением сумерек слегка подморозило, и тут
меня осенило...

Как только родители крепко уснули, я встал с постели, оделся, взял фонарик, кое-какой инструмент и отправился во двор к Дане, где стояли несколько снеговиков. Освещая фонариком детские творения, я принялся за работу...

Утром, не выспавшийся, уставший, я был всё же на ногах, как всегда, хотя торопиться некуда – воскресенье. Я помчался в соседний двор, чтобы увидеть, какой эффект произвела на жителей моя ночная работа. Спрятался на детской площадке и стал наблюдать. Подморозило. И снеговики стояли как миленькие.

– Смотрите, да ведь это же вылитая Дана из соседнего подъезда! – услышал я восторженные возгласы.

– Кто же так сумел её изваять?

– Не иначе какой-то скульптор влюбился в нашу Дану!

– Вы посмотрите, здесь стоит еще одна Дана, только у нее улыбка шесть на девять!

– А вот эта Дана – сама нежность! Какие у нее огромные и тёплые глаза, хотя сделаны из холодного снега!

Какой-то паренек, я его раньше не видел, снял всех снеговиков-Дан на кинокамеру, а второй зафиксировал на свой навороченный мобильный телефон.

Мне неудобно было слушать похвалы в свой адрес, а тем более рассказывать, но всё же приятно ощущать себя счастливым. Я с нетерпением ждал, когда на прогулке появится Дана с подружками и увидит моё творение.

Догадается ли она, кто автор?

Волшебная доска памяти

Витяка до чертиков боялся годовой контрольной по физике. За четверть он умудрялся вытягивать на хорошую отметку: основные формулы записывал на ладони, «сдувал» и решал задачи. Попробуй, умести на руке за год! Даже богатырской пятерни не хватит, а у него, как ни крути, – детская.

– Такой родился – с дефектом памяти, – оправдывал двойки Витёк перед братом-студентом.

– Заведи конспект, коль память ущербная, – подсказывал тот. – Очень хорошо помогает.

Брат развернул свои внушительные тетради и показал, как надо конспектировать тему урока.

Витёк послушался, рьяно взялся, но усидчивости хватило всего на два задания. Кстати, то, что он законспектировал, к удивлению, осталось в голове, и не один сквозняк эти знания вынуть не мог.

– Я смотрю, дело у тебя не в памяти, а в обыкновенной лени, – сделал вывод брат. – Если тебе тяжко писать конспекты, заведи доску памяти. Это интереснее.

– Поясни.

– Берешь пластиковую доску размером с тетрадь и пишешь на ней мелом формулу, затем стираешь, по памяти снова пишешь, ошибся, заглянул в учебник. Исправил. Стер – и по новой. Игра, а не занятия. К тому же отлично тренирует зрительную память.

Попробовал – точно, игра! Но и она отнимает массу времени, предметов-то много, когда же выкроишь секунду на компьютерные автогонки или сражения великанов, где от тебя зависит исход битвы? Нет, доска – не его метод. Надо что-нибудь попроще, да проворнее. Стоит подумать. Но думалось плохо, а годовая контрольная неудержимо накатывается, как асфальтовый каток. Ничем не остановишь.

Стоп! Совсем недавно прочитал о симпатических чернилах. Вот где находка! Беру доску памяти, пишу на ней все формулы и правила.

Виктория Александровна к чудачеству с доской привыкла: «Пусть упражняется, коль придумал, вреда не будет», – рассуждала она про себя.

Но строго предупредила:

– Если будешь ею греметь и елозить по столу, заставлю спрятать.

С минуту помолчала и с улыбкой добавила:

– В народе говорят, если боишься забыть какую-то вещь для путешествия – сядь на нее заранее. Может, и тебе, Семёнов, стоит сидеть на твоей доске памяти? Лучше дойдёт.

Класс над Витькой похихикал, да тут же забыл о его заморочке. А Витяка внутренне саркастически усмехнулся и стал деятельно готовиться к годовой контрольной. Отыскал в Интернете состав симпатических чернил, изготавлил и принял заносить формулы и правила на доску. Получалось отменно: стоит провести пальцем по записи, как она появляется на несколько секунд и тут же исчезает. Кто в чём может тебя уличить? Если надо, чтоб запись держалась подольше, пару раз провели пальцем. Он же теплый, 36,6 градуса.

Словом, дело шло ходко. Витя рад без памяти. Даже на шведской стенке с настроением поупражнялся по примеру брата. И снова за писанину. Но вот незадача, доска оказалась маленькой. Взялся писать слишком крупно. Надо мельче. Пришлось стирать и начинать всё сначала.

Немного расстроился, но пустяки, какой триумф его ожидает – пятёрка за годовую! Тут уж не до расстройства, тут радость! Снова размялся на шведской стенке, и пошла писать губерния. Мелкий шрифт так и стелется, так и укладывается формула за формулой, правила за правилом! Почти весь учебник переписал. Тут снова доска закончилась, но самые важные фор-

мулы всё-таки остались в книге. Вот досада. Придётся либо подыскивать доску чуть больше, либо писать ещё мельче.

Решил выбрать второй вариант. Долой всю писанину! Приметил размер шрифта, просчитал – и поехало! Вспотел, проголодался до чёртиков. Брат узнал, в чём дело, как-то необычно улыбнулся и по плечу похлопал.

– Иди спать, позевота рот до ушей тянет. Завтра всё начни сначала.

«Правильно, – молча согласился Витя, – зато какой эффект! Пятёрка на весь лист! Виктория Александровна так и ставит отличникам, на весь лист, чтобы далеко было видно! Зелёным фломастером. Правда, и двойки на весь лист – только красным. Эта пара ещё виднее, как фонарь в ночном городке».

Назавтра, прия из школы, Витя не торопясь и основательно пообедал, чтоб червячик голода не отвлекал от важнейшего дела, и уселся за письмо. Прикинул предварительно, как разместит формулы и правила, прочитал их, сосчитал знаки, пробелы. Кажется, на этот раз все поместится – и, глубоко вздохнув, как перед нырком с трамплина, мальчик принялся за дело.

Писал, а сам думал:

«Да, не просто будет разобраться в такой мелкоте. Где, какую формулу искать? Ну да ничего, не так страшен чёрт, как его малют».

К полуночи уставший, но счастливый Витя захлопнул последнюю страничку учебника и отправился спать. Завтра – контрольная.

Как он и предполагал, на классной доске красовались шесть задач. Не задачи, а задачищи! По три на каждый вариант. Но Витёк не пал духом. Он деловито уселся за стол, вытащил совершенно чистенькую доску памяти и стал ожидать, когда на неё ляжет двойной тетрадный лист от руки физички. Она сама и только сама любила раздавать ученикам эти листы. Не раздавала, а священнодействовала. И впервые за всю школьную жизнь Витёк не трепетал от труднейшей контрольной. Он знал: его труд не пропадёт даром, симпатические чернила выручат.

Витя прочитал первую задачу. Откашлялся, приподнял листки контрольной, постучал корешками о доску памяти, как бы собираясь с мыслями, соображая, где же и в каком месте искать формулу к решению первой задачи, и… батюшки! Он увидел почти все строчки своей писаницы, все формулы и ту, что в данном случае требовалась. Витя перепугался: что произошло с симпатическими чернилами, ведь не прикасался к доске и пальцем? Он ошело глянул на соседа Генку. Тот смотрел на то, как Витяка стучал листками о доску памяти, и ровным счётом на его физиономии не отразилось ни малейших эмоций.

«Он не видит то, что вижу я! – обрадовано пронеслась мысль. – Волшебство какое-то, хотя я в эти волшебные штучки нисколько не верю».

Витёк торопливо опустил на место листы и принялся с быстротой молнии чертить формулу, писать решение и ответ. Сосед Генка покосился на Витя и с завистью прошептал:

– Ну ты даёшь!

А Витёк уже читал вторую задачу. Ему даже не потребовалось приподнимать листы, чтобы взглянуть на доску памяти. Тут формул потребовалось целых две, и он видел их через бумагу! Вот тебе и не верь в волшебство. Не захочешь, а поверишь. Он видит всё, что ему надо. Несколько минут – и вторая задача решена. Смешно говорить задача – пустяшная задачонка! Генка же грыз ручку и пыхтел над первой, второго варианта. Витя небрежно написал на Генкином черновике верную формулу, и тот от удивления округлил глаза.

Для решения третьего задания пришлось применить целых три формулы. Они вытекали из поэтапного действия. Витёк видел их перед собой, словно своей рукой на чистом листе только что написал без всяких симпатических чернил.

– Ура! – через пару минут сказал Витёк, поставив жирную точку в контрольной. – Виктория Александровна, я решил все задачи. Могу быть свободным?

Класс удивлённо загудел, словно футбольные фанаты от удара мазилы-футболиста, не попавшего в створ ворот с трёх метров.

– Не гони лошадей, Семёнов, покажи решение.

– Пожалуйста, только приготовьте зелёный фломастер!

– Посмотрим-посмотрим, – не веря своим глазам, сказала физичка, но через несколько секунд у неё в руке появился заветный карандаш цвета зелёного светофора, и Виктория Александровна, приятно улыбнувшись Семёнову, красиво вывела оценку.

Солнечный портрет

На уроке литературы учительница предложила нам сходить в выходной день на прогулку за село и написать о своих весенних впечатлениях. Я сел на мопед и укатил к деду на пасеку. Хотел написать про пчёл, как они трудятся, собирая нектар и пыльцу. Но передумал: кому интересно, кто и как трудится? И вот сижу в пасечном домике и ломаю голову над заданием. В домике тесно. Всюду стоят корпуса ульев, в них рамки с сотами, магазины, медогонка. В ней дед в июле качает мёд.

В домике одно большое окно с решёткой. Она какая-то уродливая. Дед пояснил, что варил сваркой решётку сам, потому получилась не для выставки, зато крепкая. Окно занавешено тюлевой шторой с узорами. Перед окном акация. Кстати, первейший медонос. Она пока не цветёт, но распустилась, и через её листву на шторку через решётку солнце отбрасывает несколько ярких пятен. Одно привлекло внимание. Это был портрет солнечного человека. Длинный прямой нос, тонкие изломанные в ехидной улыбке губы, как у Эдика из нашего класса. С ним лучше не связываться, языкастый. Чуть что, высмеет тебя, как улитку-скорпиона.

Глаза у солнечного человека неподвижные. Такие глаза, я вспомнил, видел у кобры и у Петьки, когда он нахватал за один день несколько двоек и недобро смотрел на классную. Она требовала роспись родителей под двойками. Будь у Петьки жало, точно бы пустил его в тот момент в ход. Он сам виноват. На уроках его голова поворачивается вокруг оси каждую минуту. Где тут схватишь соль урока! Дома же его от компьютера не оттащишь, часами гоняет авто, а на домашнее задание минут не хватает. Мне, например, папа разрешает играть на компе полчаса. И баста! Говорит, лучше иди в футбол гонять, больше пользы.

– Ага, во дворе из мальчишек никого нет. Все к компам приросли, – возражают я.

– Запишишь в школьную секцию, ходи на тренировки.

Я так и сделал, но у меня удар слабый, нога была сломана. Боюсь снова сломать.

Ветер трепал акацию за окном, и очертания портрета менялись. Вот солнечный человек по-доброму заулыбался, как наш тренер, когда я забил гол с пенальти.

– Молодец, Славик, а ты говорил, что не сможешь. Верь в свои силы!

Вера в свои силы – дело хорошее. Мне не раз об этом говорили папа и дед. Только что толку, если я с верой в силы сажусь решать задачки, а они не решаются. Реки пота проливаю, ручек сотню изгрыз. Вот и портрет солнечный мне об этом же толкует.

Ветер колыхнул акацию, и человек закивал головой: «Верь в добро, будь усидчив!»

Точно как наш отличник Толик. Он такая жадина-говядина, никогда не даст списать решение, но с удовольствием объяснит, где в задачке собака зарыта.

Я передразнил портрет Толика. И поверите, тут меня осенило. Так вот где ключ той задачи, которую я на скорую руку пытался решить перед прогулкой на пасеку.

Да-а, вот бы такой портрет в своей комнате заиметь!

В домик вошёл дед и сказал:

– Помоги-ка мне рамки наващивать, нечего в окно ротозейничать.

Дело для меня знакомое. Берёшь лист вошины – основу сот, кладёшь на доску, сверху рамку и роликом вдавливаешь в воск туго натянутые пять капроновых жилок. Таким образом, ты помогаешь пчёлам строить соты – колыбель потомства. В них же крылатые труженицы складывают собранный цветочный нектар, дозаривают его, множество раз перекладывая. И только тогда получается зрелый мёд. Некоторые всезнайки говорят: пчёлы собирают мёд. Я над такими похохотываю.

Я с готовностью взялся за дело, но прежде глянул на солнечное пятно. И поразился: портрет – точная копия моего деда. Моложавый, с улыбчивыми добрыми глазами, безбородый и безусый! Пасечники их не носят. Пчёлы бородатых да усатых не любят, а ещё грязнуль и

нерях. У пчёл есть сторожа. Стоит подойти к ульям с разлохмаченной, потной шевелюрой – сторож тут как тут. Запляшет перед лицом, закружит – и в шевелюру, в бороду ракетой вонзится. Жужжит угрожающе, отчего страх тебя так и окатывает с ног до головы, и ты бежишь в панике, машешь руками, от чего второй, а то и третий сторожа бросаются тебя преследовать.

В прошлом году макушка лета была щедра на солнце и дожди. В такую погоду цветы-медоносы обильно выделяют нектар. Каждая сильная пчелиная семья в погожий день приносит в улей до десяти килограммов нектара. В три-четыре дня дозаривает его в мёд. Тут не зевай, пасечник, качай свеженький янтарный дар! Самая любимая пора, итог года! Вот дед и пригласил меня на помощь.

– Приезжай с друзьями, любителями мёда. У меня сладкая работа припасена.

Любителей мёда нашлось пятеро. Мы на великах прикатили под вечер с ночёвкой. Дед в это время мёд отбирал, пчёлы вокруг него – тучей. Мы к нему. Увидел нас, замахал руками. Мол, назад, назад! Сам-то он в белом костюме, в маске, с дымарём. Мы, было, остановились, взад пятки, да поздно! Головы у нас непокрытые, потные от езды по проселочной дороге.

– А-а! – первый закричал я, когда в ту же секунду пчелиный сторож мне в волосы вкатился. Мои приятели тоже взвыли и дали стрекача.

– В дом, в дом! – кричит дед. – Да расческой волосы прочешите.

Дважды повторять не пришлось. Охваченные паникой от грозного пчелиного жала, мы рванули к дому. И ревём, как стадо буйволов. У крыльца стояла бочка с водой. Я сообразил – и первый головой в бочку. Замолчала пчела, я нащупал её, извлек мокрую, отбросил. Но она всё же изловчилась и в палец ужалила. Это не страшно, даже полезно. Больно, правда, но терпимо. Пацаны кто в дом заскочил, кто моему примеру последовал. Стоим мокрые, пчёл выуживаем, страх прошёл, хохочем. Тут дед подоспел.

– Слава, я же тебе не раз говорил, чтобы к ульям с непокрытой головой не подходил. Теперь, думаю, наука дошла до тебя?

– Дошла, деда! Я-то думаю, почему пёс Дружок в конуре сидит. Он же лохматый, пчёл боится.

– Угадал! Молодой был, не слушал меня, когда я его от пасеки гнал. Вот однажды его пчёлы проучили. В нос ужалили. Бедолага взвыл, в конуру бросился, забился в неё, скулит. Я жало вынул, нос спиртом протёр. Полегчало псу. С тех пор подальше от ульев держится.

Дед весело глянул на нас, ужаленных.

– Ничего, до свадьбы заживёт. Шагайте в дом, я вам сладкое задание дам.

В комнате усадил нас за стол перед деревянным корытцем, в котором восковые срезки медовые. Гора целая.

– Надобно воск от мёда очистить. Лучший инструмент – ваши зубы. Черпайте и жуйте.

– Хо-хо! – сказали мы хором. – Вот это пережевать пятерым?

– Да!

– Что тут жевать, на десять минут не хватит!

– Не говори «гоп!», пока не перескочишь! – дед усмехнулся и принял вскрывать ножом запечатанный мёд в сотах и нам добавлять срезки. Мы налегли, но через двадцать минут что-то расхотелось жевать медовые срезки да водой запивать. Нам казалось, что мёд уже выступает за ушами, а срезок в корытце не очень-то поубавилось.

– На сегодня хватит, – смеясь одними глазами, сказал дед, – не то обмёдитесь. Завтра можно продолжить. Знавал я одного чудака, за один присест на спор литр мёду съел, так у него мёд через пуп стал выступать. Пришлось бедолаге ведро воды выпить, чтобы растворить этот литр в желудке.

Дед у меня шутник. За словом в карман не лезет. Он северянин. Рассказывал, будто загорал во время северного сияния. Только загар от него не бронзовый, а синий... от холода. Он как на пенсию вышел, так приехал к нам, пасеку завёл.

– Неужели по-другому нельзя воск от мёда очистить? – спрашиваем хором.

– Почему же, можно. Клади срезки на решётку, мёд стечет, воск останется. Только я своё детство вспомнил. В пионерском лагере однажды был в таком же возрасте, как вы. Рядом огромная пасека стояла. Мы частенько, бывало, вот так же в пасечной избушке трудились всем отрядом. Вот и я вас решил угостить таким же образом. Те воспоминания меня надоумили пасекой заняться. Но не пришлось до самой пенсии. Вот я и подумал, может, сладкая работа и вас надоумит стать пасечниками. Славику хочу передать своё детище.

– Так ты, деда, сам ещё молодой. Недавно шестьдесят стукнуло, а крепок, как кедр.

– Спасибо, внучек, на добром слове. Пока ты школу окончишь, пасека до ста семей разрастётся. Где ж мне одному управиться. Вот ты и будешь вторым номером, а потом и первым. На Руси всегда дело дедов внуки наследовали.

После той сладкой жвачки я у деда бывал несчётно раз. Нынче тоже наващаю рамки, а сам на солнечное пятно поглядываю. Оно возьми да скажи:

– Соглашайся, Славик, с дедом. Так с тобой и будем на пасеке жить волшебниками. Я – людей копировать. Ты – мёд людям добывать.

Я подмигнул солнечному человеку и дедовой фразой ответил: жизнь покажет. А пока я сочинение написал о том, что вам рассказал, и получил пять баллов.

Папа вернулся

Сегодня мой папа вернулся. Я не знаю, откуда. С самолёта или с поезда – тоже загадка, но он пришёл летним добрым утром.

Думаю, не случайно выбрал это время. Недаром говорят: утро вечера мудренее. На себе испытал. Утром все дела видятся иначе, желаний почти никаких. Не то что днём или вечером. То бы или это бы сотворил, пятое, десятое бы сделал… И ничего толком не получается. Или времени не хватает, или то за одно, то за другое хватает. А утром встал, позавтракал и твёрдо – в школу. Всё! Неотвратимо.

Вот и папа утром совершил важнейшее: вернулся навсегда!

Он обнял и поцеловал меня. А у самого слеза на глаза навернулась. Слеза радости. Такая крупная. Он её смахивать не стал. Слезы радости не смахивают.

Потом он долго разговаривал в спальне с мамой. Почти всё это тяжкое время без папы мама выходила из спальни с мокрыми глазами.

На мой вопросительный и молчаливый взгляд она говорила, оправдываясь:

– Вот привязался ко мне конъюнктивит. Без глаз останусь.

Меня уже не проведёшь. Это был конъюнктивит по папе. Она его очень любит. Да разве такого папу можно не любить! Он замечательный во всём. Высок, красив с русой шапкой волос. Заядлый турист. Мы втроём все местные реки прошли на байдарках. Я как себя стал помнить, он всегда брал в поход нас с мамой. Научил многому, например, как костёр с одной спички разжечь, палатку разбить, как в лесу не заблудиться. А какой он силач, маму на одной руке удерживает. Она встанет ему на ладонь, и он поднимает её до уровня груди. Смеху в такие моменты на десяток воздушных шаров нахочем.

И рассказчик классный. Сколько историй о путешествиях мы от него услышали!

Сияющая мама, со слезами счастья на глазах, первая вышла из спальни, тоже расцеловала меня и сказала:

– Папа вернулся навсегда! – И оба заторопились на работу.

От этих слов я сначала онемел. Но как только захлопнулась дверь, я опомнился, всё понял и так захочтал от радости, что наверняка перепугал бы соседей, услышь они меня.

Мама говорила мне, что папа уехал надолго по работе. Но стоит ли такая работа маминых заплаканных глаз? Моего нетерпеливого ожидания? И почему с той работы нет от папы ни одного письма, ни одного звонка – как из могилы? Такая разлука для меня и для мамы – настоящая пытка.

Если бы вы знали, как я ждал папу, как скучал по нему, то сразу бы поверили, что я был настолько рад его возвращению, что ни один волшебник не в состоянии выразить моих чувств, даже я сам.

Я смеялся от счастья на весь дом, прыгал и кричал:

– Папа вернулся! Папа вернулся!

Но кто же мог услышать этот крик в стенах квартиры? Я выскоцил на балкон и продолжил своё неистовое веселье всё с тем же криком: «Мой папа вернулся навсегда!» Но этого мне показалось мало.

У нас на балконе стоит высочайшая телевизионная антенна. Её из труб сделал папа, при помощи автокрана установил, прикрепил к балкону крепкими болтами. Глянешь вверх на приёмную корону – в глазах рябит от множества трубок: все телеканалы берёт. Я схватился за трубу и неожиданно для себя очутился на самой верхушке антенны, уселся на перекладину и в последний раз прокричал:

– Мой папа вернулся навсегда!

Вот какая была моя радость!

И тут, глянув вниз, вдруг испугался высоты. Я пацан не очень-то хилый, на турнике пять раз подтягиваюсь, от пола двадцать раз отжимаюсь, но вот по канату забираюсь всего на один метр. Начну подниматься, в животе как-то быстро пусто становится. А куда с пустым животом вверх по канату. Только вниз. А тут я в один миг по железным трубам на десять метров взлетел. Как циркач или чемпион гимнастов. Это меня радость туда забросила, моё счастье!

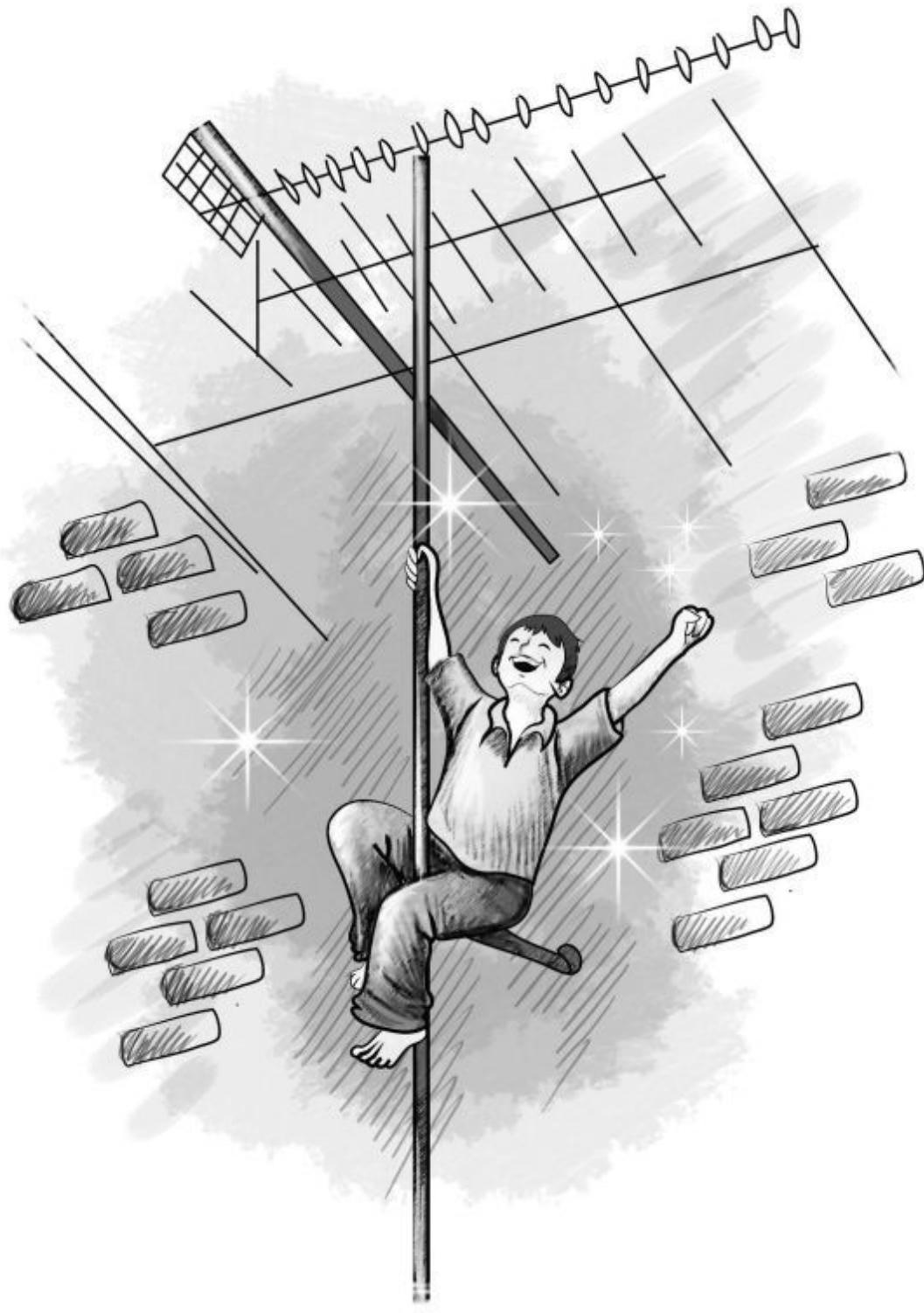
Вижу, люди внизу задрали головы и руками размахивают.

На проводах зимы один старшеклассник по гладкому, оструганному столбу поднялся так же стремительно, как я, снял приз и спокойно спустился. Не иначе у него тоже отец вернулся, и счастье придало ему необычайные силы и сноровку. Жаль, что не догадался тогда спросить его об этом.

Женя из параллельного класса полгода букой ходила. Она далеко живёт от меня, потому не с руки поинтересовалась причиной её хмурого настроения. Она, видно не вооруженным глазом, замкнулась в себе, стала как бы одинокой. И подружки ей не милы, и весь белый свет. От всего отказывается, на викторины не ходит, в спортивных соревнованиях не участвует, хотя раньше увлекалась гимнастикой. Словом, без луча солнца живёт, в склепе. Но однажды запела. Да так здорово! Устроила в классе концерт. Я тогда пропустил это событие мимо ушей, а теперь понял: у неё тоже папа вернулся! От радости голос прорезался, а сама Женя расцвела, как марьянин корень.

Вот что творит с нами возвращение пап!

- Никола, ты чего туда забрался? – услышал я голос соседа деда Семёна.
- Папа, – говорю, – вернулся, – но уже дрожащим от испуга голосом.
- А-а, так ты это на радостях?
- Именно.
- Ну, слезай не торопясь. Обхвати ногами трубу, потихоньку перебирай руками. Только не скользи, а то обожжешь ноги и руки.

Да, не просто было мне спускаться. Вес у меня не маленький, труба гладкая, но дед Семён подбадривал и уверял, что всё сделано правильно.

— Помнится, когда мой отец с войны с победой вернулся, я схватил свой пионерский красный галстук и побежал по улице с криком: «Папа вернулся!» Бегу, а галстук, как знамя, трепещет. Всю деревню галопом обежал, каждый двор осветил своей радостью. Это же не шутка, это же какое добро, когда отцы домой возвращаются!

Белый всадник

Кеша любил всё живое. Увидит в траве возле речки лягушку, поймет, посадит на ладонь и любуется. Она холодная, лупоглазая, в разноцветном ореховом фраке. Кеша видит, как разбегаются по спинке золотистые линии. На брюшке и передних лапках желтые полянки с тёмными пятнами, на задних лапках фиолетовые и изумрудные полосы. Словом, та ещё модница!

Кеша смотрит на неё, улыбка так и тянет рот во все стороны. Он сидит на корточках и ждёт, когда лягушка сама спрыгнет с ладони в траву и направится к речке, чтобы нырнуть в воду и забиться под корягу от нахала.

Но Кеша не нахал, он просто любопытный и добрый. Колька, его дружок из города, не верит, что лягушку запросто можно поймать в траве.

– Врун, она вовсе не сухопутная, живет в воде.

– Она земноводная! Слышал о таком? Весной мечет икру где-нибудь в тихой заводи. Целые тенёта развесит. Головастики из неё выклевываются и растут в воде. Потом лягушка любит путешествовать по лугу. Собирает своим длинным язычком всяких насекомых. Ты со мной не спорь. Я за всем тут наблюдаю.

Колька раньше тоже жил в деревне, недалеко от Кеши. Теперь в городе, но часто с отцом приезжает на речку рыбачить, дышать добрым свежим воздухом и жарить шашлыки.

– Я бы тоже знал, если бы не город. Зато ты ни разу не был в зоопарке в Роевом Ручье. Вот где насмотришься всякого зверя и птиц.

– Ничего, побываю, посмотрю. Только лучшего места, чем речка Бузим с полянами и лесами, нет. Слышишь трель жаворонка? Чудо, как хорошо поёт. На моей поляне живёт несколько птиц. Я даже два гнезда нашёл. В одном пять яичек голубеньких с пятнышками, во втором четыре. Почти как воробышные.

Мальчишки прислушались. Точно, с неба к ним прилетела заливистая трель.

– Скоро самка сядет на яйца. Выпарит птенцов. А сейчас она от восторга в небе трепещет. Снесла яичко и запела.

– Откуда ты знаешь?

– Знаю, она только по утрам поёт. А солнце припекать начнет, прячется в траве. Кормится семенами да всяким гнусом. Куры у нас тоже утрами несутся. Спрыгнет с гнезда и кудахчет. Хвалится о прибытке. Ладно, разговоры в сторону. Не люблю болтать языком на рыбалке.

Мальчишки уставились на поплавки в ожидании поклёвки. Вдруг Кеша встрепенулся, тревожно озираясь по сторонам.

– Ты чего?

– Дымом пахнуло, пал кто-то пустил!

– Это отец мой костер запалил, он же выше нас рыбачит, возле машины. Шашлык решил готовить.

– Нет, дровяной дым так не пахнет. Это трава прошлогодняя пластает! – Кеша вскочил, выбежал на крутый берег реки, где лежала его поляна с жаворонками. На ней густое и косматое разнотравье, не выбитое с лета скотом и не скошенное косарями. Поляна огромная, в несколько гектаров. И точно, как угадал Кеша, кто-то поджег от дороги траву. А может, сушь затлела от брошенной сигареты, и теперь огонь взялся стеной, густо дымя, двигаясь к реке.

– А-а! – завопил Кеша. – Паразиты, подожгли мою поляну! Гнёзда, гнёзда погорят, яички сжарятся.

Кеша заметался вдоль речного обрыва. Вот он скатился к речке, схватил котелок, в котором любил тут же на берегу варить уху, зная, что в воскресный день к обеду придут к нему младшая сестрёнка с мамой. Они усядутся на траву, разбросят рушник, выставят чашки, нарят-

жут хлеба, лука-батуна, а Кеша поднесет парующую в котелке, запашистую уху из пескарей, ельцов, ершей и окуней. Знатная уха, наваристая из стольких-то сортов рыбы! Да и обильная.

Сейчас в котелке был утренний улов. Кеша опрокинул его. Рыбёшка затрепыхалась в осоке.

– Ты чего, Кеша? – раскрыл было рот Колька.

Кеша зачерпнул в котелок воды и метнулся по косогору на поляну.

– Гнёзда спасать!

– Как? – донесся испуганный Колькин голос.

Кеша бежал по поляне к первому, только ему известному гнезду. Вот оно, старательно свитое жаворонками из былинок, прикрытое стеблями пырея, упавшими снопом на землю. На дне пух, мягкий и теплый, где красовались пять крохотных яичек. Кеша полил вокруг гнезда водой из котелка. Что дадут эти капли в море травы? Он снова бросился к реке, а огонь приближался. Ветер слегка переменился и гнал страшную языкастую стену с юга, но и с запада огонь бушевал и наступал, грозя взять в кольцо юного натуралиста. Кеша не видел опасности. Он снова зачерпнул воды и закричал Кольке, что стоял на высоком берегу и глазел на пожар:

– Чего стоишь, помогай!

– Чем помогать, у меня садок!

– А-а, – махнул рукой Кеша и помчался к гнезду, снова облил вокруг, но понял, что усилия его не помогут. Тогда он принял лихорадочно срывать вокруг густую траву и отбрасывать в сторону, уничтожая пищу для огня. Смерч угрожающе надвигался, оставляя после себя чёрную, обугливающуюся землю. Кеша знал, что после пала через пару недель сквозь гарь пробьются многочисленные шилья травы, и к середине лета она встанет буйно. Но знал и другое: пал свободно перекинется в белоствольный лесок, как это бывало в других местах выше и ниже его облюбованного места на реке для рыбалки. В этих рощах, по рассказам старшего брата, водились зайцы-беляки. Он ставил зимой силки и приносил добычу домой. Мех в эту пору крепок, брат шил из шкурок прекрасные шапки. Теперь заяц в местных лесах редкость. Одни выгорели, другие ушли от этой жути. Были и лисы, куропатки, гнездились горлицы, токовали глухари. Остались только одни мыши-полёвки да суслики. Настоящий Чернобыль или Фукусима.

Слева на взгорке появился всадник на белом коне. И сам он был белый. Остановился, окинул взором бегущий пал. Кто там в центре? Мальчишка из котелка поливает траву принесённой водой. О, безумец, да разве такой штурм огня остановишь каплями! Что же он делает дальше? Рвёт траву! Зачем?

И догадался, спасает гнездо! Но увидел всадник опасность. Огонь охватывал поляну с двух сторон, а теперь заворачивает и от реки. Берёт юнца в кольцо. Будущего воина и мужа, продолжателя рода. Из груди всадника вырвался вопль отчаяния, он вознёс руки к небу и пустил белого скакуна в сторону пламени. Как на крыльях, перемахнул через стену огня. Колька потом клялся, что видел крылья у скакуна! Всадник стремительно подлетел к неистовому мальчугану, нагнулся, ухватил за руки и вырвал из наступающего огненного моря к себе в седло. И снова скакун перелетел стену огня, опустился на гарь. И Колька видел, как перед скакуном метались несколько жаворонков.

– Дядя, что вы наделали, я спасал гнездо жаворонка! Я обрывал вокруг траву и накрыл гнездо котелком.

Всадник ничего не ответил. Только Кеша увидел в его очах голубой свет, свет добра. Всадник ссадил мальчугана на чёрную землю, по которой пронёсся пал, и молвил:

– Поступок твой велик, и дела твои станут велики во спасение жизни! – И ускакал.

Кеша долго и заворожено смотрел ему вслед, не понимая, кто это был. Потом очнулся, глянул в ту сторону, откуда вырвал его белый всадник, и увидел, что пал скатился к реке и там, треща кустарником, глух. Кеша, что есть силы, бросился к оставленному гнезду, к котелку,

поднимая чёрную пыль. Огонь почти не тронул низко сорванные стебли травы. Крохотный жёлтый островок отливал золотом среди мёртвой, но ещё стонущей поляны. Кеша подхватил котелок, он был горяч. Отбросив его в сторону, мальчик уставился на гнездо. Оно уцелело, уцелели и пять слегка голубеньких в крапинку яичек.

От счастья Кеша засмеялся, из глаз его хлынули слезы счастья. Подбежал Колька.

– Они живые, Колька, яички живые! Жаворонок выпарит птенцов, я видел, как они летали надо мной! Надо только слегка замаскировать гнездо.

Колька молча лупал глазами, ощерив рот, согласно смотрел на Кешу.

— А что же второе гнездо? Сгорело? — Кеша поднялся и побежал к месту, только ему известному. Пропетляв с полминуты по гари, он упал на колени. Гнездо погибло, голубенькие в крапинку яички почернели и от жары лопнули. Кеша собрал остатки на ладонь и, показывая Кольке, рыдающим голосом сказал:

– Колька, яички сгорели, птенцов не будет. Какой-то плохой человек погубил много жизней. Поклянись, что никогда не бросишь в траву горящую спичку!

Колька клялся, а Кеша испачканной гарью рукой растирал по щекам бегущие горькие слезы.

Мой враг

– С сегодняшнего дня человек с сигаретой – моя неприязнь, сигарета – мой враг! Кто в классе курильщик?

Класс замер в изумлении: перед девятиклассниками маячила неопознанная личность *оттуда*. Хотя все черты совпадали с любимой учительницей, но жёсткая интонация, выражение лица, глаза Валентине Георгиевне не принадлежали.

Замешательство прошло быстро, но вздоха облегчения не последовало.

Неужели, подумалось, смерть младшего брата, так могла изменить человека?

– Он погиб от сигареты, – жёстко сказала Валентина Георгиевна, – вердикт врачей – рак лёгких, спровоцированный огромной дозой никотина. Я виновата в его смерти: не вмешалась как старшая, как вторая мать, не выдернула из его рта сигарету и не оградила от фальшивой дружеской «улицы».

Он закурил, как водится, на вечеринке, за компанию. Никто не препятствовал, пример подавал отец – курил прямо в квартире, и его друзья тоже. Люди на улицах, в конторах тоже смолят сигареты. В магазинах курева – на выбор, гроши родительские в кармане. Чего выпендриваться. Мода. Его пристрастие обнаружилось поздно, через год. Отец пожурил немножко, мать приказала бросить.

Валентина-студентка её поддержала. Он пообещал. На этом всё и закончилось. Не бросил, уже втянулся.

Она тоже пробовала на первом курсе института. Закружила голова, затошнило. И она сказала – это не моё.

– Глупая, втянешься, пройдёт. Не будь белой вороной. Курит почти вся группа.

Валентина была уже взрослая и твёрдо отказалась от ложного удовольствия. Друзья так же убеждали брата, но он был ещё сопляк. Флюгер. Поддался. Валентина не думала о брате, как не думало о здоровье нации общество, и только теперь, когда случилось несчастье, беспомощно завыла.

Односторонний диалог в классе продолжался:

– Мой долг – до конца своих дней бороться с курильщиками. Если я не добьюсь того, что в нашем классе Света, Аня, Саша и Серёжа не бросят курить, – буду считать себя виновной в ваших будущих недугах. И, возможно, оставлю школу, как плохой педагог. Прошу на стол сигареты и зажигалки.

Валентина Георгиевна слыла незаурядным человеком, завоевала звание «Учитель года». Её класс успевал во всём, особенно в точных науках. Среди ребят не было даже троечников.

Ребята любили её за талант. Но, пожалуй, больше всего подкупала её доброта, властная, всеохватывающая. Каждый ученик жил в её сердце, как и все остальные. Она была всюду с ними. Они – тоже, и взаимно счастливы.

Четверо покорно, как под взглядом удава, медленно встали из-за столов и вытряхнули из карманов и ранцев на стол пачки сигарет и зажигалки.

– Это не метод! – нервно выкрикнул Артём, лидер класса, спортсмен и отличник. – Они на следующей перемене закурят, взяв у подружек.

– Посмотрим, я пойду дежурить на перемене на улицу, – в голосе учителя звучали суроые нотки. – Однако я хотела бы решить проблему на добровольной основе. Ничто так не властно над человеком, как сама его воля. Захотел – сделал. Но если ты не смог однажды одержать победу над собой, то вряд ли сможешь управлять своей судьбой. Запомните эту фразу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.